

Введение

Зачем писать вместе: текст как пространство семьи

Однажды я разбирал старые бумаги, оставшиеся после очередного переезда. Зачитанные до дыр книги детства, блокноты с рисунками, студенческие конспекты, какие-то старые квитанции. Я смотрел на груды старых школьных тетрадей и понимал, что сейчас всё это уже не имеет никакой практической пользы ни для меня, ни для моих детей. Школа давно «оцифрована»: ученики делают задания в интернете, отзывы получают в «школьном портале», и даже учебники старшеклассники уже не носят в школу. Не то что мы в своё время — полные рюкзаки книг и рабочих тетрадей. В куче этой старины мне попала какая-то разобранная по страничкам книжка. Из неё выпала свёрнутая бумажка, на ней надпись маминой рукой: *«Купи, пожалуйста, молока, приду вечером, сделаю блины. Мама»*. Мамы давно уже нет, и я уже не молодой бородатый дядька, а вот эта записка карандашом, будто вспышка яркого света,

вернула меня в моё беззаботное детство. Письмо из прошлого. Голос мамы. Я мгновенно превратился в маленького мальчика. Вот он я, вихрастый и колкий. Вернулся из школы, бросил сумку с учебниками в угол, стал снимать пиджак школьной формы и застрял у клетки с попугаем (надо же поговорить, не виделись целый день!). По пути к шкафу включил магнитофон. Сосед Вовка дал послушать кассету с «битлами», а я ещё на прошлой неделе обещал вернуть, но забыл. Пока боролся с ремнём на брюках, обнаружил дырку на попе — это метка от развесёлых катаний по круглым перилам школьной лестницы. Надо как-нибудь незаметно зашить, пока мама не поругала. А вот в кармане два камешка. Если резко стукнуть друг о друга, вылетят искры. Смотреть на это лучше в темноте — полное ощущение фейерверка в собственной комнате. В другом кармане расплюснутый гвоздь. Друг Пашка притащил с железной дороги. Из таких плоских гвоздей хорошо получаются мечи для пластилиновых рыцарей. У меня в «крепости» как раз не хватает одного вояки. От гвоздя в кармане тоже образовалась дырка, пока небольшая, тоже надо зашить, чтоб мама окончательно не рассердилась. Новую форму купят не скоро, год надо

в этой доходить. На следующий год, может, подрасту, эти брюки уже не понадобятся. Кстати, вот записка от мамы. Не спрячешься, она как будто всё видит.

Именно — она всё видит. И вот теперь её вижу и слышу я. Благодаря одной карандашной фразе на записке из старой детской книжки.

Современному поколению довольно трудно объяснить, что в былые времена вот так общались с «предками»: *«Я ушёл гулять с Вовкой, приду вечером»*, *«Купи хлеба и молока»*, *«Приезжала бабушка — варенье для тебя в холодильнике»*, *«У Наташи день рождения — не забудь поздравить!»*. Семейные записки — это мессенджер прошлого. По ним можно узнать многое: историю семьи, характер людей, отношения между домашними. В конце концов, можно проследить, *что* несколько десятилетий назад интересовало людей, чем жили они в прошлом, какими заботами была наполнена их, без сомнения, очень интересная жизнь. Не знаю, какие записки останутся от нашего времени, что станет свидетельством нашей нынешней «цифровой» жизни. Помните гибкие дискеты «флоппи»? Потом появились маленькие квадратные «трёхдюймовые», которые после недолгого использования переставали «читаться». Потом флэшки.

Сбой, еще один сбой, «требуется переформатировать». Потом диски в квадратных коробках. Гигабайты, терабайты. Фото, тексты, звуковые файлы, видосы. *«У меня всё там, я, правда, давно не открывал».* *«Слушай, вот уронил нечаянно — работать перестал, сможем восстановить?».* *«Ёлки, я всё на сиди-диски сливал, но у меня теперь и сиди-рома-то нет, где его взять?».* Технологический прогресс помогает нам идти вперед. Мы стремительно бежим, оставляя после себя груды виртуальной информации. Где, что, как открыть? Вопросы, которые возникают с новой волной цифровых гаджетов. Будем честны, чаще всего они остаются без ответа — некогда заниматься этим цифровым архивом. А потом оказывается, что он просто канул в компьютерную Лету. Вроде всё есть, но на деле ничего нет. Так наше прошлое исчезает. А прошлое предыдущих поколений — вот оно: записка карандашом, старая фотография всей семьи.

В той куче бумаг — мои дневники. Как интересно! Прошло три десятилетия, а я вдруг помню каждую строчку. Помню, о чём тогда думал, по какому поводу переживал, помню даже место, в котором писал. Конечно, я не Лев Толстой и даже не Михаил Пришвин, писательство дневника каждый день не одолел.

Поэтому и дневников несколько. Начал писать в тетради — забросил. Через какое-то время начал снова, но уже в другом блокноте. И только теперь понимаю, что вот это и есть настоящее живое свидетельство прошлого, всей жизни моей семьи! Историческим документом назвать такой артефакт, конечно, сложно, но хотя бы взгляд подростка сохранился. Мнения, суждения, оценки. Ох, ну и зануда я был! А может и нет. Вырос же, вроде как, всё неплохо (по крайней мере, пока, или мне так кажется!).

Вот здесь кроется главная тайна наших записанных дневников — это взгляд человека. Наше мнение, суждение, позиция, интерпретация всего, что вокруг нас происходит. Читая свои старые дневники, я легко могу увидеть этот «взгляд подростка». Знаете же, что сейчас неожиданно стала модной тема «детских травм». По любому поводу можно услышать: *«Боюсь темноты — это детская травма»*, *«Плохие отношения с родителями — меня в детстве травмировали»*, *«Неудачи в личной жизни — это с детства, психологическая травма, что поделаешь»*. Зачастую такие суждения не имеют никаких оснований, но аргумент-то сильный! Скажешь «детская травма», и все окружающие начинают сочувствовать, поддакивать и вспоминать свои травмы.

Детство у каждого было непростое! А дневники помогают взглянуть внутрь себя. Что там за травма-то была? Стоит она того, чтобы все свои проблемы ею оправдывать? Может, уже пора прекратить себя обманывать и винить во всём родителей, которые не поняли бедного несчастного пубертатного тинейджера? Читая свои записи детских и юношеских лет, мы волшебным образом перемещаемся в то время. Это совсем не такое путешествие, которое мы переживаем, читая чужие книги. Конечно, чтение занимательных историй подчас погружает нас в иные времена и миры настолько, что можно забыть про все дела. Но всё равно — это чужие книги и чужие истории. Написанные вами истории имеют другой градус магии: они затрагивают сокровенное, те струны души, которые звучали когда-то, но на многие годы умолкли. Более глубокие чувства, более эмоциональные переживания, более яркие образы, даже если вы не обладаете талантом Н.В. Гоголя или И.А. Бунина.

Именно *написанная* семейная история помогает многое понять: отношения между родителями, между «отцами и детьми», между поколениями. Конечно, любой историк вам скажет, что сфера мемуаров и писем — плохой

источник для изучения объективной истории (если она вообще может быть объективной). Но в том-то и дело, что в нашем случае нам важны не геополитические, экономические или какие-то другие пласты жизни общества, нам важна микроистория нашей семьи.

«Зачем писать вместе»

Маленькие задания

Задание 1. Записка из прошлого

Найдите дома любую старую бумагу — письмо, открытку, записку на клочке. Если не найдёте, то вспомните одну из них. Опишите её в 4–5 предложениях: чей почерк, что сказано, почему именно это вас тронуло.

Задание 2. Семейный мессенджер

Вспомните три короткие фразы, которые часто звучали в вашей семье («Не забудь шапку», «Закрой форточку», «Поешь суп»). Запишите их. Подумайте: что они говорят о вашей семье?

Задание 3. Совместный листок

Напишите маленькую записку для кого-то из домашних, как будто это 1980-е, и мессен-

джеро́в ещё не существует. Оставьте её на столе или на холодильнике. Увидите: бумажное слово работает иначе, чем SMS.

Задание 4. Семейный диалог в одной фразе

Опишите момент, когда вы и ваши близкие понимали друг друга без слов (взгляд, жест, улыбка). Теперь попробуйте перевести этот момент в письменную форму одной фразой.

Задание 5. Мини-коллекция

Составьте список из 5 коротких «семейных цитат», которые можно было бы напечатать на стене вашей кухни. Это может быть смешное выражение папы, тёплая фраза мамы или любимая присказка бабушки.

Почему важна микроистория

Учёные историки долгое время изучали прошлое по масштабным событиям: войны, коронации, революции. Даже целые эпохи называли именами императоров. Но во Франции в XX веке появились исследователи, которые вдруг посмотрели на историю иначе. Их

звали Марк Блок и Люсьен Февр. Вокруг них выросла школа, целое научное направление, получившее название «Анналы» по имени журнала, который они издавали, — «Анналы экономической и социальной истории».

Л. Февр и М. Блок сказали: *«Подождите. История — это не только битвы и тронные речи. Это ещё и хлеб, который пекут каждое утро. Это климат, который заставляет переселяться. Это ритмы повседневной жизни: как люди едят, во что верят, что рассказывают детям»*. Они предложили изучать историю через медленное течение времени — не только события, но и долгие структуры: деревни, рынки, семейные традиции.

Для них важно было услышать голос «маленького человека» — крестьянина, ремесленника, женщины, ребёнка. В их работах вместо царских манифестов появлялись деревенские счета, письма любовников, судебные протоколы. Это и есть тот поворот, который сделал микроисторию возможной. Если большая история — это шторм, буря, ливень, то «Анналы» научили смотреть на каждую каплю дождя.

Сейчас, когда мы берёмся писать семейную книгу, мы идём тем же путём. Мы не пересказываем всемирные войны, а вглядываемся

в то, что ел на завтрак дед в 1942-м, какие слова мать говорила детям в 1960-е, какие песни звучали в 1990-е. И вдруг оказывается, что в этих деталях слышна эпоха не хуже, чем в хронике парадов.

Учёные много спорили о том, как нам вообще удаётся знать прошлое. Августин Блаженный ещё в IV веке говорил: «Если меня не спрашивают, я знаю, что такое время; но стоит спросить — и я теряюсь». Для него прошлое было не «объективной реальностью», а собранием образов, которые хранятся в памяти. Спустя столетия философы и историки повторяли ту же мысль: прошлого как такового у нас нет, у нас есть только его следы — записки, письма, фотографии, артефакты.

Современные исследователи называют это «следами прошлого». Француз Жак Деррида говорил о «следе» как о впечатлении, которое остаётся в культуре и памяти. Именно через эти следы мы можем выстраивать своё понимание истории. Английский историк Дэвид Лоуэнталь писал ещё жёстче: «Прошлое — это чужая страна, и мы никогда не узнаем, как в ней жили люди «на самом деле». Мы видим прошлое только через свои глаза. Мы как будто подстраиваем прошлое под себя самих, нынешних.

Но именно поэтому так важны **материальные и письменные следы**. Чем больше их остаётся, тем лучше мы можем «удерживать прошлое». Умберто Эко однажды написал «Письмо внуку» и в нём очень убедительно рассказал, зачем нужно удерживать в памяти прошлое, почему важно не давать высказываниям, фактам и информации исчезнуть из памяти. Записка, дневник, письмо — это наши помощники сохранения памяти, именно потому, что они материальны. Слово написанное — вовсе не слово «устно-переданное-через-несколько-поколений». Игра в «испорченный телефон» даже в тесной компании на вечеринке может превратить «муху» в «слона», а представьте, каким будет превращение спустя годы и поколения!

Наша микроистория выступает не как «уменьшенная история», а как способ приблизить объект через увеличительное стекло. *«Познать меньше, чтобы понять больше»*, — писал Карло Гинзбург, один из создателей идеи микроистории. Вместо панорамы с романтической высоты птичьего полёта мы спускаемся в «мышиную норку» — туда, где живут реальные люди, где разворачиваются их маленькие, но полные смысла драмы.

Именно это делает семейный текст ценным. Он не претендует на «большую историю», но сохраняет детали частной жизни — те самые следы, без которых общая картина всегда останется плоской. Как писали представители «школы Анналов», памятник прошлого (текст, артефакт) сам по себе нем. Он начинает «говорить» только тогда, когда мы вступаем с ним в диалог. Записка мамы, письмо деда, дневник подростка — все они становятся «собеседниками», если мы их читаем и сами пишем.

Вот почему микроистория семьи важна не только как личная память, но и как часть науки. Она даёт нам возможность сохранить «следы» для будущих поколений, включить себя и своих близких в ткань истории и, что особенно важно, научиться вести диалог с прошлым.

Когда я впервые услышал слово «микроистория», оно показалось мне чем-то из области микробиологии. Будто речь о микроскопе и бактериях. Но на самом деле это про людей, и даже про нас с вами. Микроистория — это история, рассказанная не с высоты «тысячелетий цивилизации», а через судьбу одного человека или одной семьи. Моя бабушка каждый год накануне новогодних праздников доставала коробку с ёлочными игрушками и про каждую

могла рассказать: кто подарил ватного Деда Мороза, где покупали стеклянный красный шар, откуда у снеговика появилась царапина на носу, и почему музыкальная шкатулка уже не играет свою чудесную песенку. И это были не просто односложные ответы. Каждая игрушка была как настоящий портал в прошлое с гиперссылками и параллельными сюжетами.

Большие учебники истории полны дат и имён: кто правил, какие указы издавал, где шли войны. Всё это важно, но в этих учёных книгах нет моего деда. Нет его записки с фронта: *«Жив, здоров. Шлю привет родным. Александр»*. В учебниках есть целая Великая Отечественная война, но нет вот этой трёхстрочной бумажки, которую он отправил моей бабушке, а её потом десятилетиями хранили в альбоме с чёрно-белыми фотографиями.

Я помню, как нашёл её в старом конверте. Бумага уже пожелтела, буквы чуть расплылись от времени. А для меня — будто сам дед заговорил, вернулся, улыбнулся. Вот это и есть микро-история: история большой войны в зеркале одной маленькой семьи.

Или, скажем, дневник моей бабушки. Никаких там великих событий. Обычная школьная синяя тетрадка. Записи про покупки на рынке,

про соседку, которая снова одолжила соли, про то, что внучка получила тройку за диктант. Но разве это мелочи? На самом деле это целый мир — мир женщины, проживавшей жизнь в коммуналке, в позднесоветском городе. Для историка, который исследует микроистории, такие дневники — золотая жила. Для нас, потомков, это ещё и зеркало, в котором отражаются черты нашей собственной жизни.

Учёные давно обратили внимание на такие истории. Итальянский историк Карло Гинзбург, например, написал целую книгу о мельнике XVI века, которого судила инквизиция. По допросам этого простого крестьянина он восстановил картину народной веры и представлений той эпохи. Другой исследователь — Натали Земон Дэвис — рассказывала о французском крестьянине Мартене Герре, которого подменили другим человеком, и через это «частное дело» показала целый культурный слой XVI века. Казалось бы, ерунда: один мельник, один обман в деревне. А на деле — окно в огромную историю.

Но ведь у каждого из нас есть свои такие «мельники» и «Мартены Герры». Только они живут в наших семьях. У кого-то это прадед, который собирал послевоенные игрушки.

У кого-то — тётя, всю жизнь переписывавшая рецепты кулинарных блюд. У кого-то — дед, который хранил у себя в столе письмо из госпиталя. Для большой истории это «мелочи». А для нас — суть памяти и семейной истории.

Микроистория семьи учит нас ценить эти маленькие свидетельства. Ведь именно они делают историю живой. Многие подростки теперь развивают тему «хочу в СССР», потому что «там всё было лучше». Но я точнее пойму, что такое перестройка, если перечитаю письмо отца о том, как они стояли за колбасой в очереди или целый день провели в ожидании аудиенции в приемной ЦК. И глубже почувствую шестидесятые годы, если увижу мамину школьную фотографию с белыми бантами и портфелем.

Тут есть важный момент. Пока всё это не записано, оно существует только в памяти. Память ненадёжна: она уходит вместе с людьми. А текст остаётся. Поэтому наши семейные дневники, письма, записки — это не просто сентиментальные артефакты, это и есть настоящие документы, основа для нашей микроистории.

И вот здесь случается удивительное. Когда начинаешь читать старые дневники или письма, то видишь не только прошлое,

но и себя самого. Чужой почерк, чужие слова вдруг становятся твоим зеркалом. Я открываю бабушкин блокнот и понимаю, что многие её тревоги и радости ничем не отличаются от моих. Она переживала, что не хватит денег на обувь для детей. Я думаю о том же, когда смотрю на цены в магазине. Она писала: *«Погода сегодня плохая, настроение упало»*. Я вздыхаю, глядя на серое небо за окном. Вдруг оказывается, что мы с ней почти ровесники, только живём в разных временных пластах.

Вот это и есть сила микроистории семьи. Она показывает, что мы не одиноки. Что прошлое — это не «где-то там», а рядом, внутри нас, в наших тетрадях и письмах.

Маленькие задания

Задание 1. Один предмет — целая эпоха

Выберите в доме любой старый предмет (фото, книга, значок, письмо, посуда). Опишите его в 5–6 предложениях: что это, откуда он появился, какая история за ним стоит. Подумайте: что этот предмет говорит о времени, в котором жили ваши близкие?